

Юрий Александрович Шаранов

доктор психологических наук, профессор
ORCID: 0000-0002-9758-8220, niospba@mail.ru

Виктор Николаевич Устюжанин

кандидат педагогических наук, профессор
ORCID: 0000-0002-4325-6693, uvn52@rambler.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Означивание – универсальный язык самосознания субъекта правоохранительных органов

Аннотация: В настоящее время проблема сознания и самосознания в психологической науке переживает своеобразный ренессанс. Предпринимаются активные попытки преодолеть «психологический застой» по причине инерции старых методологических установок, сводящих сознание и самосознание к простым функциям отражения или копирования объективной реальности. Анализ этих методологических установок содержится во многих работах отечественных и зарубежных учёных, а также становится предметом дискуссий на различных научных конференциях.

Наша концепция означивания является логическим продолжением идей школы Л. С. Выготского, так как отражает генезис появления и развития феномена значения и значимости в человеческом сознании, утверждает идею о том, что сознание и самосознание призваны выполнять одну общую функцию означивания (самоозначивания). Выбор означивания в качестве предмета настоящего исследования в значительной мере обусловлен теми изменениями, которые происходят в сфере психологического знания. И, прежде всего, переходом от классической науки к неклассической, а в последние годы – к постнеклассической объяснительной парадигме в психологии. Неклассические идеи можно было обнаружить уже в размышлениях Л. С. Выготского. Его занимало сложившееся положение дел в психологии, когда проблемы детерминизма традиционно усматривались преимущественно в биологических, физиологических факторах и механизмах, в так называемых, объективных методах познания, и при этом игнорировались детерминанты, порождаемые самой психикой человека.

В свою очередь, постнеклассическое понимание мира и человека в мире пошло ещё дальше и всё больше характеризуется сегодня ростом рефлексии ценностных и смысловых контекстов мира человека. В условиях запроса на диалогизм, дискурсивность выражения идей, мыслей и мнений возникает потребность в субъектной парадигме. Психологи при этом демонстрируют стремление выйти за узкие рамки детерминации активности субъекта исключительно «деятельностью» и обращаются к понятию «существования», то есть пытаются перейти от бытия к становлению, непрерывному развитию психики субъекта.

Ключевые слова: означивание, сознание, самосознание, субъект, недетерминизм, поведение, диалогизм, дискурсивность, самоидентичность

Для цитирования: Шаранов Ю. А., Устюжанин В. Н. Означивание – универсальный язык самосознания субъекта правоохранительных органов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1 (89). – С. 204–213; doi: 10.35750/2071-8284-2021-2-204-213.

Yury A. Sharanov

Dr. Sci. (Psy.), Professor

ORCID: 0000-0002-9758-8220, niospba@mail.ru

Viktor N. Ustjuzhanin

Cand. Sci. (Ped.), Professor

ORCID: 0000-0002-4325-6693, uvn52@rambler.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Determination – the universal language of self-awareness of a subject of law enforcement agencies

Abstract: Nowadays the problem of consciousness and self-awareness is experiencing a revival in a psychological science. Active efforts are being made in this sphere to break «the psychological stalemate» of inertia of the old methodological guidelines which consider consciousness and self-awareness as simple functions of the objective reality reflection and reproduction. Numerous researches of national and international scientists, different scientific conferences are dedicated to the analysis of these guidelines.

Our concept of determination is a logical follow-up to L. S. Vigotsky's ideas as it reflects the emergence and development of the phenomenon of significance in the human mind, postulates that consciousness and self-awareness are called upon to perform one common function of determination (self-determination). The choice of determination as the subject of this research is made because of the changes in the field of psychological knowledge. This involves the shift away from the classical science towards the non-classical one and, in the recent years, towards the postclassical explanatory paradigm in psychology. These non-classical ideas can be found in theoretical considerations of Vigotsky whose attention was occupied with the actual state of psychological mind when the issues of determinism were traditionally regarded only in biological and physiological factors and mechanisms - in the so-called objective methods of consciousness while determinants posed by the human psyche itself were ignored.

Postclassical view of the world and understanding of the human place in it went a step further, it is focused today on the reflection of value and sense contexts of a person. As a request for dialogism, expression discursivity of ideas, thoughts, opinions mounted, there is a need for subjective paradigm. Psychologists in this process seek to go beyond the narrow frames of determination of a subject's activeness limited only with his «activity» and turn to the notion «existence». In other words they attempt to move from being to formation, ongoing development of a subject's psyche.

Keywords: determination, consciousness, self-awareness, neo-determinism, behaviour, dialogism, discursivity, self-identity

For citation: Sharanov Yu. A., Ustjuzhanin V. N. Determination – the universal language of self-awareness of a subject of law enforcement agencies // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 2 (90). – P. 204–213; doi: 10.35750/2071-8284-2021-2-204-213.

В современной психологической науке совершенно иной статус приобретают ценностно-смысловые контексты существования субъекта, которые характеризуются преимущественно нелинейными атрибутами самодвижения. В связи с тем, что таких явлений становится всё больше, они имеют тенденцию к расширению, захватывая как традиционные проблемы нравственности, свободы, смысла жизни, самопонимания и самореализацию субъекта [21], так и другие производные от характера развития цивилизации: аномийные расстройства, эпидемии, многообразные конфликты, войны, революции, техногенные катастрофы, экономические кризисы, угрозы безработицы и терроризма. Естественно, такое смещение повседневной жизни в сторону нелинейности, мозаичности и дискурсивной культуры оказывает заметное влияние на содержание и структуру сознания и самосознания, ценностные ориентации, поведение, стиль мышления, межличностные отношения, механизмы мотивации и стимулирования и, следовательно, требует от человека иных, прежде всего, именно субъектных качеств.

Наши рассуждения самым непосредственным образом приводят к умозаключению о закономерном повороте в ходе эволюции психологического знания к внутреннему миру и внутренней свободе субъекта в качестве высшей ценности современной эпохи. При этом самосознание субъекта приобретает статус привилегированного объекта в науках о чело-

веке. По сравнению с сознанием самосознание обладает своей структурой и содержанием, различается по степени выраженности и «готовности к самораскрытию личности как самосознания собственного Я». Тогда как сознание до сих пор остаётся «чёрным квадратом Малевича», привлекающим исследователей своей загадочностью, а потому «сознание – «ничто» в том смысле, что невозможно найти феномен, о котором мы могли бы сказать, что вот именно это и есть сознание, и ни один сознательный феномен не обладает «привилегией» представлять сознание».

Как правило, самосознание в пространстве и времени подвержено пульсации: сжимается и одновременно расширяется внутренний и внешний опыт субъекта, последний в зависимости от результатов внутренней работы переходит с одного уровня самоосознания на другой, от одного уровня осознания и понимания мира на другой. В то же время в самосознании остаётся не до конца прояснённой его функциональная структура, природа связей между её элементами и элементами структуры сознания. Последние отображают и опосредуют различные влияния внешней, предметной, социальной среды, связывая внутреннее пространство субъекта в единый функциональный узел. По мнению С. Л. Рубинштейна, такого рода функциональная система раскрывается в значении, знании, личностном смысле [17], чувственной ткани и переживании [9]. По А. Н. Леонтьеву,

личностный смысл – пристрастное отношение субъекта к миру, выраженное в значениях и неразрывно связанное с мотивами личности и её общей направленностью. Именно осознанный личностный смысл подразумевает представленность его субъекту в языковой форме. В свою очередь, понятие значения фиксирует то обстоятельство, что сознание развивается внутри некоторого культурного целого, где исторически кристаллизован опыт общения, мировосприятия, деятельности, и индивиду надо его построить, а не «присвоить». Иначе говоря, понятие смысла выражает укоренённость индивидуального сознания в бытии человека, а понятие значения – подключённость этого сознания к сознанию общественному, к культуре [16]. Значение выполняет функции сохранения и передачи общественного опыта, обеспечения его воспроизводимости. В отличие от значения смысл индивидуален и динамичен. Его общая функция – создание и структурирование пространства жизни индивидуальности [2], приспособление индивидуального сознания к выполнению более узких задач, ограниченных личностными мотивами данного субъекта.

Другими словами, значение и личностный смысл выполняют каждый свои функции, не создавая конфликт между индивидуальным мотивом и ценностями общества, иначе возникает «дезинтеграция» сознания¹. При этом эмоциональная окраска является важной формой презентации субъекту значимости сопровождаемых ими образов объектов и явлений действительности, их личностного смысла. На сегодняшний день в психологии окончательно сложился понятийный тандем «значение – смысл», заимствованный из наук о языке. Как правило, категориальная структура значения и смысла выражает содержательное наполнение сознания и самосознания для обеспечения обшей функции языка означивания.

Нынешняя историческая эпоха порождает определённое, свойственное только этой эпохе, самосознание человека, как особой точки зрения на себя самого, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе и по отношению к окружающей действительности [4]. Следовательно, элементами самосознания являются не столько черты действительности, сколько значение этих черт для человека, для его самосознания. Как удачно в своё время выразился английский философ и математик А. Уайтхед, повторение и воспоминания лежат в основе человеческого опыта: понятие факта (материала нашего восприятия) и понятие значения (важности), с помощью которого мы дифференцируем и связываем воспринимаемое. Так, Д. А. Леонтьев утверждал, что отражение объектов и явлений действительности под углом зрения,

их роли и места в жизнедеятельности субъекта (иными словами, их смысла) первично по отношению к отражению квазиобъективных свойств тех же объектов и явлений (их значений) [22, с. 24]. По мысли А. Н. Леонтьева, значение – «это ставшее достоянием моего сознания в более или менее своей полноте и многосторонности обобщённое отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже умения, как обобщённого «образа действия», нормы поведения и т. д.» [8, с. 290].

В текстологическом подходе также можно обнаружить, как посредством языка визуальных образов и изображений закодированные в них смыслы становятся фактом сознания и самосознания. Визуальные образы – это значимые психологические события в сознании индивида и вынесенные вовне изображения. Образ и изображение – это разные явления, но существующие одно через другое. Изображение – это способ, каким образ становится видимым. Сам образ невидим, изображение – это визуальная репрезентация образа, который может открываться, в том числе и посредством языковых репрезентаций. Когда словесные репрезентации сегодня начинают доминировать в дискурсе изображения, то возникают основания говорить о «лингвистическом повороте» в культуре. В текстологическом подходе всё, в том числе и изображения, объявляются «текстами», задача субъекта сводится к их «чтению» или интерпретации. Другими словами, произведение искусства затрагивает нас целиком (в этом его значимость), а не только адресуется к нашим словесным интерпретациям. Однако мы пытаемся «постичь словами то, что избегает слов» [23, с. 30]. Так формируется противопоставление человека и мира, субъекта и объекта, тела и души и т. д.

Понять можно только то, что обладает значением или смыслом, то есть всё то, что создано человеком. Все предметы материальной и духовной культуры общества воплощают в себе мысли, чувства, цели человека, а потому все они могут быть поняты. Открывая смыслы объектов культурного мира, мы в конечном итоге всегда понимаем их создателя [24], и, опосредовано, самих себя. Благодаря этому формируется способность наделять одним и тем же значением одни и те же явления объективного и субъективного мира, тождественным образом их интерпретировать и выражать в одних и тех же символах для других и для самого себя. Подобного рода нормальный ход вещей решающим образом определяет верность субъекта привычным истинам, ценностям, смыслам и событиям, соединяя вместе его дела и мысли в общем пространстве и времени, и тем самым делая его социально идентичным и самоидентичным.

В современных реалиях в результате агрессивного господства массовой культуры социализации человека социальная идентичность или

¹ Впервые в отечественной психологии о различии этих двух понятий написал Л. С. Выготский в своей книге «Мышление и речь» (1934).

адаптивность к окружающему миру формируется раньше, чем самоидентичность. Отсюда возникают противоречия и конфликты между тем, что для субъекта имеет значение, и тем, что ещё или уже не обладает очевидной ценностью или смыслом. Так называемый кризис самоидентичности как раз и связан с нарушением привычного процесса означивания в форме диалога субъекта с самим собой, с утратой смысловой связи с миром и настоящей потребностью в переоценке собственных идеалов вследствие влияния идеологии ценностного релятивизма.

Уникальные профессиональные миры – это знаковая, символическая, интерпретационная культура, которая на практическом уровне, произвольно открывается самосознанию личности не по отдельности, а в виде знаковой системы или кода. Уникальность подразумевает процесс, в котором знак приобретает значение благодаря своим отличиям от других знаков. В профессии сотрудника правоохранительных органов в качестве таких уникальных символических значений выступают особая одежда, молоток, зал суда. Эти и другие отличительные черты несут определённое значение. Они составляют культурные контексты, которые посредством определённого языка и символов скрытно и незаметно создают связи между значениями. Последние обсуждаются и осмысливаются в группе, а затем из них конструируются содержание самосознания и опыт профессионала с характерными для него функциями и паттернами поведения. Так, до сегодняшнего времени неизменным остаётся то, что судебная истина – дискурсивна, конструируется (и деконструируется) по лингвистическим схемам. В свою очередь значительная часть языковых схем, моделей, определяющих мышление судебных работников, относится к юридическому языку. В результате объективная реальность не столько преломляется через призму юридического языка, проговаривается на нём, сколько перерождается, перестраивается им или создаётся заново [1, с. 34–47].

В семиотике Ф. Соссюра, связь между знаком и значением выражается через термины означающего и означаемого [18, с. 100]. При этом означающее относится к материальному аспекту, а означаемое – к ментальному аспекту. Несмотря на то, что означающее и означаемое не могут существовать друг без друга, фактическая граница между ними произвольна. В результате каждый раз один и тот же предмет может породить новые значения. Другими словами мы используем одно и то же слово, но в разных смыслах, в зависимости от времени и жизненных ситуаций. Каждый предполагает, что его интерпретация единственно правильная. Отсюда в ходе означивания возникает необходимость внутри отдельных профессиональных и культурных контекстов для согласования важных для субъектов значений создавать соответствующие дискурсы. Так, в процессе коммуникативных и образовательных дискурсов

подготовки сотрудников правоохранительных органов система профессиональных значений, символов и смыслов непрерывно переопределяется и обновляется. Данная логика фиксирует процессы порождения значений, ценностей и смыслов, переходы внешнего во внутреннее, вскрывает между ними причинно-следственные связи, которые устанавливаются с помощью внутренних действий субъекта, направленных на решение служебно-профессиональных задач. Характер и свойства внутренних действий связаны со свойствами описываемых явлений (как объективных, так и только приписываемых им) и отражают как семантические, так и прагматические особенности репрезентации опыта «внутреннего человека» посредством языковой картины мира субъекта [25, с. 91].

Как известно, в основе языка и его категорий лежит наглядный, телесный опыт человека, позволяющий выходить в более абстрактные сферы и строить свои сообщения о ненаблюдаемом непосредственно. То есть внутренний человек моделируется «по образу и подобию» человека внешнего, причем главное здесь не визуальное подобие, а схожесть устройства и функционирования целого². Тем самым предметы «объективного мира» приобретают «субъективное измерение» и благодаря этому «двигаются в план сознания». Всё это подтверждает гипотезу Л. С. Выготского о том, что положительная роль психики – не в отражении, а в том, чтобы «субъективно исказить действительность в пользу организма» [7, с. 347].

Наша концепция означивания является логическим продолжением идей школы Л. С. Выготского, так как отражает генезис появления и развития феномена значения и значимости в человеческом сознании, утверждает идею о том, что сознание и самосознание призваны выполнять одну общую функцию означивания (самоозначивания). Функция означивания является результатом некоего «психологического высвечивания», когда сознание и самосознание, посредством избирательного восприятия и воображения выбирает из внутреннего или внешнего мира человека вещь и придает ей статус очевидного значения или значимости посредством языкового синтеза. За синтезом непосредственного чувственного восприятия вещи следует анализ её постижения с помощью рефлексии. В качестве иллюстрации данного утверждения можно обратиться к исследованиям О. Зельца, который разрабатывает понятие «задача». С его точки зрения, требование, предъявляемое в задании, можно считать задачей только условно. Для того чтобы решение начало осуществляться

Коськина Е. В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагматический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент»: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01 / Коськина, Елена Владимировна. – Омск, 2004. – 26 с.

ся, необходимо, чтобы требования задания и «раздражитель» (например, слово) образовали «общую задачу», то есть стали частями единого проблемного комплекса. Тем самым процесс означивания выполняет функцию продуцирования смысла деятельности, направлен на снятие противоречий между сознанием и самосознанием, между внешним и внутренним, субъективным и объективным в психической активности субъекта.

По нашему мнению, ни внешнее, ни внутреннее не обладают однозначным приоритетом. Тогда как в отечественной психологии в принципе детерминизма, сформулированном С. Л. Рубинштейном, преимущество отдаётся «внешнему». Он пишет: «Исходными являются внешние условия, но они действуют через посредство внутренних» [19, с. 6]. Можно предположить, что именно гипертрофия такого рода детерминизма, когда причинно-следственные связи между внутренним и внешним, субъективным и объективным не объясняются, а игнорируются, явилась причиной многих противоречий, соответственно, нерешённых проблем, в том числе относящихся к сознанию и самосознанию субъекта. До настоящего времени проблема детерминации понимается как соотношение внешних и внутренних условий психического процесса. [5, с. 24]

Вместе с тем, например, в исследованиях А. В. Брушлинского предпринимаются продуктивные попытки, направленные на то, чтобы снять подобного рода односторонности (гипертрофию, неравновесность, абсолютность) основных понятий и подходов в психологической науке [26]. Он выступает также против существующего представления, согласно которому смысл – это то, что «привносится субъектом в объект». Автор усматривает в этом «привнесении» путь к субъективизму. Подобного рода позиция может быть принята с большими оговорками. Так как, по справедливому мнению Васильева [27, с. 37], непонятно, откуда же в объективном «берётся» субъективное, внутреннее во внешнем, как оно туда проникает? Сам А. В. Брушлинский на этот вопрос отвечает: «Психическое принадлежит человеку как субъекту и потому всегда субъективно» [6, с. 185]. С этим утверждением трудно не согласиться. Вместе с тем, по всей видимости, субъективное (психическое) все же «привносится» в объект самим субъектом. Исходя из того, что человеческое сознание имеет дело не непосредственно с физической реальностью, а с её различными моделями [15], то очевидная открытость или непредзаданность ситуации означивания объекта (вещи) заставляет субъекта доопределять цели деятельности, порождать мотивы собственной активности, создавать по ходу рефлексии способы действий и модифицировать их в зависимости от этапа мышления. Другими словами, ситуация означивания не может быть признана однозначно объективной или субъективной. Как

бы парадоксально это не звучало, объективное пребывает в таком виде только до момента его «поглощения» субъектом и только для того, чтобы снова превратиться в объективное, то есть познание, понятное и опредмеченное значение (смысл). Следовательно, означивание выступает как момент непрерывного темпорального процесса формирования знания об объекте познания, утверждение его личностной значимости и постижение смысла его функционирования посредством механизмов рефлексивного анализа через синтез. Под рефлексивным анализом и синтезом подразумеваются, прежде всего, метакогнитивные процессы, благодаря которым осуществляется двойная операция означивания – контроль знания о собственном когнитивном процессе и функция отслеживания достижения конкретных целей самоозначивания.

В контексте данной логики онто- и социогенез самосознания будет представлять собой сложный и противоречивый процесс формирования и развития опыта познания и самопознания личности, рефлексивного стиля переработки информации, способности к определению приоритетных жизненных задач и последовательного их решения, детерминированный логикой субъективизации и самоосуществления субъекта во временном континууме. Мы согласны с мнением А. В. Брушлинского, что субъект проявляется в мышлении через выдвижение прогнозов искомого, формирование мотивации мышления, осознание мыслительного процесса, регуляцию мыслительной активности, постоянное изменение когнитивного плана и микроизменение особенностей личности и её творчества. По утверждению М. А. Холодной, именно субъект способен преодолевать известные оппозиции внутреннего и внешнего, субъективного и объективного в силу своей более развитой метакогнитивной позиции и наличия соответствующих ресурсов, включающих в себя знания «какой Я» [20]. Таким образом, следует подчеркнуть, что то, с чем имеет дело человеческое сознание и самосознание (так называемая «объективная действительность»), является сложной конструкцией, включающей в себя знаковые, языковые конструкты, ценностные установки, превращённые формы культурно-специфических форм мышления и особенности самого этого сознания, конструирующего модель мира.

В настоящее время среди психологов утвердилось представление о самосознании как непрерывном циклическом процессе, включающем в себя самовосприятие, самоотношение, самоорганизацию, самоопределение, саморазвитие, самореализацию и другие структурные элементы самосознания субъекта правоохранительной деятельности. При этом каждый из перечисленных элементов структуры самосознания обеспечивает свои специфические функции: построение когнитивного плана образа внутренней ситуации, перцептивные действия, самоорганизацию психики средствами первичной,

вторичной и третичной категоризации, актуализацию механизмов кодирования и декодирования информации в процессе порождения речевой деятельности, оценку соотношения условий и требований задачи деятельности, построения плана-прогноза результатов деятельности и т. д. Тем самым такое «обогащённое» и трансформированное самосознание становится основой и воплощением сознательных действий по реализации мотивов и ценностей психической активности субъекта. Однако, когда идет речь о самосознании как непрерывном циклическом процессе, в котором принимают участие все структурные элементы системы, возникают вопросы: «Как эти элементы взаимодействуют друг с другом во времени и пространстве?»; «Связь между элементами носит абсолютный или относительный характер, они действуют поочередно или на основе синтеза?»; «Список структурных элементов, составляющих самосознание личности, носит завершённый или открытый характер?»; «В каких отношениях находится самосознание с сознанием?»; «Где и как происходит встреча сознания и самосознания в процессе деятельности человека?»; «Если самосознание относится к внутренней психике, к внутреннему опыту и, собственно, к внутреннему человеку, то сознание, по этой логике, представляет внешнее, то есть, внешний опыт и внешнего человека?». Данный список вопросов можно продолжить, но парадоксальность изучения самосознания не исчезнет. Оно заключается в том, что в традиционных теориях самосознания практически не представлено сознание, два термина – «самосознание» и «сознание» оказываются относительно независимыми и при методологическом рассмотрении содержания, и при анализе функциональной развёртки компонентов. По меткому выражению Б. С. Братуся, в результате господства такого рода логики «не только «психика», но и «личность», лишённые высшей отнесённости, оказались переведёнными на полное, если можно так сказать, самообслуживание (саморазвитие, самоактуализация, самотрансцендирование и т. п.), вне (вопреки, поперёк) всякой смысловой животворящей связи с пространствами «душевного» и «духовного» [28, с. 135]. Как представляется, мы имеем дело не столько с разделением различных уровней самосознания и сознания, сколько в неясности оснований для такого различия, ведь деятельностные или профессиональные свойства самосознания невозможно «отнести к психическим явлениям, «замкнутым в круге сознания» и не входящих в систему отношений человека к миру» [3].

С другой стороны, в исследованиях психологов можно встретить попытки изучения самосознания как формы «отражения, переживания и трансформации человеком своего профессионального статуса» или «проекции всех структурных компонентов самосознания на профессиональную деятельность». В этом случае профессиональное самосознание (или про-

фессиональная Я-концепция) рассматривается как вполне самостоятельное образование, способное выполнять функции многих инстанций психики, в том числе и функции сознания. При этом «одиночество самосознания», угроза которого должна непременно возникать, преодолевается посредством обращения к жизнедеятельности и общению субъекта с людьми, языку и культуре, минуя рефлекссию содержания, структурных единиц, видов и состояний индивидуального и группового сознания респондентов. Достаточно обратиться к свойствам обыденного сознания, чтобы убедиться в опосредующей и структурирующей роли сознания по отношению к той же познавательной способности или различным уровням деятельности субъекта. Одним из таких факторов, связывающих сознание и самосознание, выступает время, выполняющее функции формы бытия сознания. В этой связи сегодня проблемы самосознания и описания различных форм и уровней деятельности сознания всё чаще предстают как проблемы самовоспитания, саморазвития, самореализации и духовного измерения человеческого бытия. Именно разнообразие проблем, которые призваны решать субъекты правоохранительной деятельности в настоящее время, заставляют вести речь не столько о природе связи, единстве и границах феноменов сознания и самосознания, сколько о нашей способности «синтеза схватывания» «многообразного» (по И. Канту) в созерцании, воображении, в синтезе понятий, в субъективном и объективном опыте, что, собственно, выражает предметность сознания. Однако все известные синтезы далеко не всегда содержат указание на принцип отношения сознания к предмету познания, на ту основную причину работы сознания, которая бы выражала субъективную необходимость творческой активности в познании субъекта деятельности. Как представляется, таким общим принципом или причиной активности как для сознания, так и для самосознания выступает имманентная потребность субъекта в означивании различностей многообразного.

Необходимость процесса означивания обусловливается известным фактом невозможности непосредственного познания объекта, требуется особая активность познающего субъекта, связанная с самоопределением и самоопределяемостью вещи в творческом акте познающего сознания. Если бы вещь непосредственно открывалась сознанию, то и творческой активности субъекта было бы не нужно. Правда, тогда бы познающее сознание лишилось способности к расширению знания и опыта самопознания. Вместе с тем, процесс познания начинается там, где возникают различия, как условия манифестации определённого вида противоречия или проблемы. Под различностью понимаются границы «и» пространства – суть структуры пред-значимости, априорные структуры, благодаря которым становятся возможными значе-

ние и значимость» [12]. Благодаря различиям мы воспринимаем и переживаем гетерогенную материю мира – это неоощуемые и неделимые границы и различаемые пространства как иерархии различий. В этом смысле, сознание можно представлять в качестве «первичного опыта различений», базовой функцией которого выступает «мягкое», неагрессивное выявление мира различий, различённого, иерархии различностей и их осознание, тогда как функции синтеза, идентификации, редукции многообразного характеризуют агрессивное сознание. Имеется в виду произвольное наделение различностей определённым значением и значимостью, атрибутирование некоторым из них статуса ценностей, смыслов и идеалов. Дефицит различений, остановка процесса означивания в сознании и самосознании, как правило, приводит к деформации внутреннего и внешнего опыта человека, в том числе к кризису, стрессу, конфликтам и агрессии. Такое тривиальное заключение ведет к нетривиальному, на наш взгляд, следствию о необходимости еще раз подчеркнуть актуальность позиции представителей различных школ в психологии, и, прежде всего, школы С. Л. Выготского о значении как структурной единицы сознания, об интериоризации и экстериоризации и некоторых других положениях теории сознания.

В описании работы сознания Л. С. Выготский делает акцент на работе самосознания, которое возникает именно в переходный период подросткового возраста. При этом значение, как его важнейший механизм, обеспечивает вербальный синтез внутренних и внешних репрезентаций опыта познания и самопознания личности. Поведение становится поведением для себя, человек осознает себя как определенное единство. Он чувствует себя источником собственного движения, приписывает своим поступкам субъектный характер. При этом проблема оппозиции внешнего и внутреннего, их сложное и противоречивое взаимоотношение и трансформация не преодолевается, работа сознания и самосознания объясняется преимущественно референциальными функциями, границы которых не всегда очевидны и прозрачны. В частности неясно, как высшие психические функции (речь, мышление, интеллект) поддерживаются низшими, неосознаваемыми (бессознательными) механизмами психики? Везде и всегда ли значение (в психологическом смысле) априори способно обеспечить решение проблемы возникновения нового знания и опыта?

На эти вопросы в некотором смысле пытался найти ответы сам Л. С. Выготский, который, провозгласив принцип «единства аффекта и интеллекта», акцентируя внимание на значении как единице сознания, подчёркивал, что психические функции и назначение отдельных частей психики могут быть поняты только в контексте гармоничного целого. Собственно об этом неоднократно говорили Д. А. Леонтьев [29] и А. А. Леонтьев [10].

Однако Л. С. Выготский просто не успел до конца выстроить теорию психологического развития человека как целостного двуединого процесса: с одной стороны, интериоризация внешней деятельности, её превращение во внутреннюю, психическую деятельность, воплощение в предметно-продуктивную, преобразующую деятельность, с другой стороны. При этом особенность когнитивного стиля познания Выготского заключается в настойчивой попытке найти ответ на вопрос о психологической причинности. Не случайно в психологию он вводит такие когнитивные гибриды, как речевой рефлекс и значение слова (как психологическое, а не лингвистическое понятие). Значение, как структурный элемент сознания, как психологический образ, начинает у него работать далеко за пределами процессов интериоризации и экстериоризации, в том числе, в пространстве до-речевой и домыслительной активности субъекта. Правда при этом оставалась не до конца проясненной позиция Л. С. Выготского об отношении слова и деятельности. Во всяком случае, когда он говорил о функции деятельности, то подразумевалась деятельность сознания. Другими словами, деятельность у Л. С. Выготского была синонимом функции сознания, речь рассматривалась в качестве «коррелята сознания в целом» [7, с. 165]. До последних дней своей жизни он стремился преодолеть расщеплённость поведения и сознания: поведения как телесной реакции организма и сознания как духовной активности субъекта. Индивидуальное поведение Л. С. Выготским ставилось в зависимость от строя языка: воздействия извне на личность опосредовались словом как элементом системы языка, которое замыкало реакцию между мозгом, мышцей и социумом, в диалоге с культурой.

В нашей трактовке концепция означивания есть не что иное, как процесс присвоения всего богатства культуры, непрерывное «открытие» субъектом посредством рефлексии ценностных и смысловых оснований границ собственного пространства: субъективных значений образов восприятия окружающей реальности, наделение значимостью результатов осмысления фактов и событий внутренней жизни, порождение и расширение смыслов творческой деятельности и опыта познания, утверждение единства структуры сознания и самосознания в схватывании и воспроизведении всего многообразия мира субъективных и объективных сущностей. Основная функция означивания – преодоление посредством снятия эффекта многообразия мира различений и утверждения законосообразности деятельности сознания и самосознания в особом, однозначно не редуцированном понятийном синтезе символического поведения субъекта.

В одной из своих последних работ А. Н. Леонтьев пишет: «Защищаемый мною тезис заключается в том, что в психологии проблема восприятия должна ставиться как проблема

построения в сознании индивида многомерно-го образа мира, образа реальности» [30, с. 254]. Это означает, что образ предметных условий поведенческого пространства не возникает сам собою, а строится (конструируется) субъектом деятельности, как решение задачи открытия себе своего поля деятельности. Получается, что означивание является произвольным, опосредованным развитой способностью к символической деятельности, процессом преодоления бессмысленности существования человека посредством сознательного конструирования собственных предметных условий поведения и жизнедеятельности. И в этом процессе многообразное нуждается не просто в опознании и фиксации в форме значения или имени [15], как это мы видим в школе Л. С. Выготского, а в сепарировании смыслов через опосредующие механизмы психики субъекта. В этом отношении системообразующую функцию выполняют категориальные структуры сознания и восприятия. Именно восприятие избирательно реагирует на стимулы, подвергает их рефлексии, классифицирует по силе, интенсивности, новизне, объёму, чёткости (фон и фигура). Далее посредством языковых референций осуществляется «склейка», укрупнение и импликация значений, придание некоторым из них статуса значимостей, то есть ценностей. Благодаря действию воображения и опыту познания многообразие значений и ценностей распознаются, схватываются, воспроизводятся, подвергаются творческой обработке, эксплицируются в поведении и деятельности, трансформируются в смыслы и идеалы субъекта. Такова логическая цепочка процесса означивания (самоозначивания), которая явно выходит за рамки функций значения в структуре сознания, а также процессов интериоризации и экстериоризации. При этом внешнее и внутреннее сознание и самосознание функционируют вместе, существуют в форме «слиянной неслиянности» или в складке.

Теория складки используется в основном как наглядная модель для описания сложных типов взаимодействия между гетерогенными элементами феноменологического опыта (в эстетике, онтологии и теории познания, семиотических исследованиях культуры). В трактовке Ж. Делёза «складка» понимается как виртуальная линия сгиба одной чувственной поверхности в другую, она даёт изображение, оставаясь идеальной, не данной напрямую усмотрению.

Вкладывание Внешнего во Внутреннее, прошлого в новое представляет один из примеров реализации складчатости. За понятием «складка» здесь стоит идея нового метода – бесшовного соединения различий – противоположных по своей природе образов, структур, фигур. Для нас важно, что в контексте «складки» соотношение сознания и самосознания мыслится уже не как противостояние внутреннего и внешнего, не как принудительное воздействие внешней силы на внутреннее, но как органи-

ная интериоризация внешнего: «внутреннее есть операция внешнего».

В эпоху постмодерна со всей очевидностью проявляется тенденция, если не сказать больше, – «экзистенциально-гуманистический поворот», сущность которого в возврате к человеку, его смысложизненным проблемам, к самопониманию и самопознанию. Самосознание субъекта, его внутренний мир становится основным объектом постижения смысла человеческой жизни. Психология постепенно осваивает постмодернистскую идеологию, обращаясь к субъективным, собственно психическим детерминантам активности личности. При этом большинством учёных вполне осознаётся риск впасть в другую крайность: избавиться от «объективизма» в пользу уязвимого в методологическом отношении «субъективизма». О недопустимости такого шага предупреждал Л. С. Выготский и его последователи. Сегодняшний момент развития психологической науки характеризуется повсеместным пониманием, что мы входим в некий общий континуум («бытие – сознание – человек»; «культура – сознание – значение – социальность»), где каждой науке отводится своё место, каждая идея должна быть принята и отрефлексирована. Концепция самосознания как означивающей инстанции в психике человека – это попытка синтеза сознания и самосознания на фоне понимания их очевидной нетождественности. Если сознание нечто, что мыслит тебя, как то, что «разлито между нашими головами», о чём писал и говорил в своё время Мераб Мамардашвили, то каков при этом статус самосознания? Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос вслед за Л. С. Выготским приходится обращаться к языку, к психо-семантике сознания, к языковому мышлению, к самосознанию как тексту. Диалог субъекта с самим собой, напряжённые волевые усилия, связанные с самопознанием и самопониманием, всё, что субъект делает с собой, это не что иное как стремление быть кем-то для Другого.

Таким образом, миры понимаются субъектом правоохранительной деятельности через процессы самоозначивания, через механизмы наименования и присвоения смыслов. То, чего не присутствует в сознании в качестве слова, значения, референции, не существует для человека совсем. Это известная для психологов идея, обращённая к пониманию сущности самосознания, позволяет трактовать означивание как базовый механизм познания человеком окружающей действительности и самого себя. Внешнее и внутреннее, сознание и самосознание функционируют вместе, существуют в форме «слиянной неслиянности» или в складке. Теория складки позволяет сегодня в первом приближении описывать способы «вкладывания» внешнего во внутреннее, фиксировать содержательное взаимодействие сознания и самосознания как двух самоорганизующихся инстанций психики человека.

Список литературы

1. Александров А. С. «Похвала» теории формальных доказательств. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. – С. 34–47.
2. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики. – Москва: Наука, 1999. – 349 с.
3. Асмолов А. Г. Деятельность и установка. – Москва: Издательство Московского университета, 1979. – 152 с.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – Москва: Советская Россия, 1979. – 138 с.
5. Брушлинский А. В. Психология субъекта. – Москва: Институт психологии РАН; Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. – 272 с.
6. Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. – Москва, Воронеж, 1996. – 392 с.
7. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 1 Вопросы теории и истории психологии. – Москва: Педагогика, 1982. – 488 с.
8. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции : конспект лекций. – Москва: Издательство Московского государственного университета, 1971. – 426 с.
9. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва: Политиздат, 1975. – 304 с.
10. Леонтьев А. А. Деятельный ум. – Москва: Смысл, 2001. – 192 с.
11. Лосев А. Ф. Философия имени. – Москва: Изд-во МГУ, 1990. – 269 с.
12. Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. – Москва: ИД «Территория будущего», 2007. – 640 с.
13. Хаттон Патрик Х. История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2003. – 424 с.
14. Петренко В. Ф. Многомерное сознание. Психосемантическая парадигма. – Москва: Новый хронограф, 2010. – 438 с.
15. Петренко В. Ф., Супрун А. П. Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. – Москва: Красанд, 2018. – 304 с.
16. Прохоров А. О. Семантические пространства психических состояний. – Дубна: Феникс+, 2002. – 280 с.
17. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – В 2-х т. – Москва: Педагогика, 1989. – 328 с.
18. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с фр. яз. А. А. Холодовича. – Москва: Прогресс, 1977. – 696 с.
19. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – Москва, Педагогика. 1973. – 424 с.
20. Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 272 с.
21. Можейко М. А. Идея нелинейности и феномен неопределенности: методологический поворот в современной науке // Социология. – 2012. – № 2. – С. 39–53.
22. Леонтьев Д. А. Значение и личностный смысл: две стороны одной медали // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 5. – С. 19–30.
23. Круткин В. Л., Мокси Кит. О визуальных исследованиях и иконическом повороте // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – Вып. 2. Философия. Социология. Психология. Педагогика. – С. 30–36.
24. Никифоров А. Л. Семантическая концепция понимания // Загадка человеческого понимания. – Москва: Политиздат, 1991. – С.72–94.
25. Афанасьева Н. Р. Образные репрезентации внутреннего мира человека: перспективы сопоставительного изучения // Вестник Омского университета. – 2005. – № 2. – С. 90–93.
26. Селиванов В. В. Субъектная теория мышления // Методология и история психологии. – 2018. – Вып. 2. – С. 33–46.
27. Васильев И. А. Проблема отражения и порождения смыслов в мышлении человека. Светлой памяти моего друга В. Е. Ключко посвящается // Сибирский психологический журнал. – 2018. – № 67. – С. 27–43.
28. Братусь Б. С. «Психика» и «личность» в отсутствии «души» и «духа» // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – № 1 (84). – С.118–138.
29. Леонтьев Д. А. Понимание смысла и смысл понимания // Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования / под ред. А. А. Брудного, А. Н. Уткина, Е. И Яцуты. – Москва: Смысл, 2006. – С. 20–27.
30. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2-х томах. – Т. 1. – Серия «Труды действительных членов и членов-корреспондентов АПН СССР». – Москва: Педагогика, 1983. – 392 с.

References

1. *Aleksandrov A. S.* «Pokhvala» teorii formal'nykh dokazatel'stv. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2002. – S. 34–47.
2. *Artem'yeva Ye. Yu.* Osnovy psikhologii sub'yektivnoy semantiki. – Moskva: Nauka, 1999. – 349 s.
3. *Asmolov A. G.* Deyatel'nost' i ustanovka. – Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1979. – 152 s.
4. *Bakhtin M. M.* Problemy poetiki Dostoyevskogo. – Moskva: Sovetskaya Rossiya, 1979. – 138 s.
5. *Brushlinskiy A. V.* Psikhologiya sub'yekta. – Moskva: Institut psikhologii RAN; Sankt-Peterburg: Aleteyya, 2003. – 272 s.
6. *Brushlinskiy A. V.* Sub'yekt: myshleniye, ucheniye, voobrazheniye. – Moskva, Voronezh, 1996. – 392 s.
7. *Vygotskiy L. S.* Sobraniye sochineniy: v 6 T. – T. 1 «Voprosy teorii i istorii psikhologii». – Moskva: Pedagogika, 1982. – 488 s.
8. *Leont'yev A. N.* Potrebnosti, motivy, emotsii: konspekt lektsiy. – Moskva: 1971. – 426 s.
9. *Leont'yev A. N.* Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'. – Moskva: Politizdat, 1975. – 304 s.
10. *Leont'yev A. A.* Deyatel'nyy um. – Moskva: Smysl, 2001. – 192 s.
11. *Losev A. F.* Filosofiya imeni. – Moskva: Izd-vo MGU, 1990. – 269 s.
12. *Molchanov V. I.* Issledovaniya po fenomenologii soznaniya. – Moskva: Izdatel'stvo: Litagent «Territoriya budushchego», 2007. – 640 s.
13. *Khatton Patrik Kh.* Istoriya kak iskusstvo pamyati / per. s angl. V. YU. Bystrova. – Sankt-Peterburg, 2003. – 424 s.
14. *Petrenko V. F.* Mnogomernoye soznaniye. Psikhosemanticheskaya paradigma. – Moskva: Novyy khronograf, 2010. – 438 s.
15. *Petrenko V. F., Suprun A. P.* Metodologicheskiye peresecheniya psikhosemantiki soznaniya i kvantovoy fiziki. – Moskva: Izdatel'stvo Krasand, 2018. – 304 s.
16. *Prokhorov A. O.* Semanticheskiye prostranstva psikhicheskikh sostoyaniy. – Dubna: Feniks+, 2002. – 280 s.
17. *Rubinshteyn S. L.* Osnovy obshchey psikhologii. – V 2-kh t. – Moskva: Pedagogika, 1989. – 328 s.
18. *Sossyur F. de.* Trudy po yazykoznaniiyu / per. s fr. yaz. A. A. Kholodovicha. – Moskva: Progress, 1977. – 696 s.
19. *Rubinshteyn S. L.* Problemy obshchey psikhologii. – Moskva, Pedagogika. 1973. – 424 s.
20. *Kholodnaya M. A.* Psikhologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya. – Sankt-Peterburg: Piter, 2002. – 272 s.
21. *Mozheyko M. A.* Ideya nelineynosti i fenomen neodeterminizma: metodologicheskiy povorot v sovremennoy nauke // Sotsiologiya. – 2012. – № 2. – S. 39–53.
22. *Leont'yev D. A.* Znachenkiye i lichnostnyy smysl: dve storony odnoy medali // Psikhologicheskiy zhurnal. – 1996. – T. 17. – № 5. – S. 19–30.
23. *Krutkin V. L., Moksi Kit.* O vizual'nykh issledovaniyakh i ikonicheskom povorote // Vestnik Udmurtskogo universiteta. – 2011. – Vyp. 2. Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya. Pedagogika. – S. 30–36.
24. *Nikiforov A. L.* Semanticheskaya kontseptsiya ponimaniya // Zagadka chelovecheskogo ponimaniya. – Moskva: Politizdat, 1991. – S.72–94.
25. *Afanasyeva N. R.* Obraznyye reprezentatsii vnutrennego mira cheloveka: perspektivy sopostavitel'nogo izucheniya // Vestnik Omskogo universiteta. – 2005. – № 2. – S. 90–93.
26. *Selivanov V. V.* Sub'yektnaya teoriya myshleniya // Metodologiya i istoriya psikhologii. – 2018. – Vyp. 2. – S. 33–46.
27. *Vasil'yev I. A.* Problema otrazheniya i porozhdeniya smyslov v myshlenii cheloveka. Svetloy pamyati moyego druga V. Ye. Klochko posvyashchayetsya // Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal. – 2018. – № 67. – S. 27–43.
28. *Bratus' B. S.* «Psikhika» i «lichnost'» v otsutstvii «dushi» i «dukha» // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. – 2015. – № 1 (84). – S.118–138.
29. *Leont'yev D. A.* Ponimaniye smysla i smysl ponimaniya // Ponimaniye: opyt mul'tidistsiplinarnogo issledovaniya / pod red. A. A. Brudnogo, A. N. Utkina, Ye. I Yatsuty. – Moskva: Smysl, 2006. – S. 20–27.
30. *Leont'yev A. N.* Izbrannyye psikhologicheskiye proizvedeniya: v 2-kh tomakh. – T. 1. – Seriya «Trudy deystvitel'nykh chlenov i chlenov-korrespondentov APN SSSR». – Moskva: Pedagogika, 1983. – 392 s.

Статья поступила в редакцию 21.09.2020; одобрена после рецензирования 14.04.2021; принята к публикации 31.05.2021.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
 Both authors declare no conflicts of interests. Both authors have made an equal contribution to the article.